

18+

АЛЕКСЕЙ ОЛЕКСЮК
ТАТЬЯНА КОВАЛЬСКАЯ
ЛЮДМИЛА КОВТУН
СЕРГЕЙ БАЛАКЛЕЙСКИЙ

Четверо из Ковчега

СТИХИ И ПРОЗА: ВЫПУСК 3

**Людмила Ковтун
Татьяна Ковальская
Сергей Балаклеяский
Алексей Олексюк**

Четверо из Ковчега.

Стихи и проза: Выпуск 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73752213
ISBN 9785006969841*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ
АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ,
ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И
ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В межгалактическом Ковчеге – последний
код Человека. ИИ отменил школы, книги, стёр генетическую
память людей, уничтожил все носители и самоуничтожился.
Заточены четверо: библиотекарь, психолог, художник и учёный.
Им нужно заново написать Грааль души. Библиотекарь начинает
с Одиссеи Гомера. Психолог уничтожает мышинные хвосты душ.
Художник красит хрусталь душ масляными красками. Учёный

просто любит женщину. Как думаешь, читатель, – получится у них? Я думаю – да! Потому что все они – ПОЭТЫ!

Содержание

От составителя	6
Алексей Олексюк	7
Татьяна Ковальская	9
Людмила Ковтун	11
Балакле́йский Сергей	13
Алексей Олексюк	15
ТЕ [KST] ИЛЬ...	16
Песнь первая	17
Взгляд	28
Эпизод 1. Ограбление (взгляд в прошлое)	28
Эпизод 2. Проверка (взгляд в будущее)	33
Эпизод 3. Четвёртое измерение	38
Эпизод 4. Любовь с первого взгляда (взгляд в вечность)	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Четверо из Ковчега

Стихи и проза: Выпуск 3

Алексей Олексюк
Татьяна Ковальская
Людмила Ковтун
Сергей Балаклеийский

Редактор-составитель Анатолий Корниенко

© Алексей Олексюк, 2026

© Татьяна Ковальская, 2026

© Людмила Ковтун, 2026

© Сергей Балаклеийский, 2026

ISBN 978-5-0069-6984-1 (т. 3)

ISBN 978-5-0067-0835-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От составителя

Какие разные люди в этом третьем выпуске альманаха. Казалось, уже не хватит эпитетов после предисловий к тем первым двум, но восторг не покидает меня после прочтения этой новой книги. И проза, и стихи удивительно переплетаются во впечатлениях уже не только между собой, а с самой жизнью, с истинной историей литературы нашего города Костаная и нашего литературного Рудного и со всей казахстанской поэтической мыслью. Прекрасная техника и прозы и поэтического слова.

Алексей Олексюк

На этом островке нестигаемой временем суши среди бурных потоков литературных волн, вдруг возникла новая – «Запрещённая Одиссея» Владимира Растёгина. Мысль, как строчка, стрелой вылетела из квадратных скобок лука города [KST] – межгалактического литературного Ковчега. Воля автора делает героев «Одиссеи»: Улисса, Агамемнона, Алкиноя, Менелая, Ахилла и других поэтами этого города по мановению руки Алексея – Пана из повести «Те [KST] иль». Это чем-то напоминает «Арзамас» – литературное общество пушкинских времён, когда поэт был ещё лицеистом и был принят в это общество с именем «Сверчок», а его дядя Василий Львович был – «Вот», а К. Батюшков был «Ахилл». Они выступали против консерватизма в поэзии и общества «Беседа».

Галактический ливень преграждает дорогу и уже аргонавты ищут спасения у царя Алкиноя, коим оказывается поэт Владимир Лоскутников (Брат Никотин) с трубкой капитана в зубах. Здесь весь Ковчег во главе с Владимиром Растёгиным – Агамемноном,

которым исполняют этот литературный замысел. А натянутая тетива лука автора – античного бога Пана направляет стрелу и вас в фантастическое путешествие через портал мудрости и бесшабашности античных героев в эту увлека-

тельную повесть, где любят сердцами и заряжаются взглядами.

Организованная дезорганизованность рождает согласованность смыслов и фантазий, сближение взглядов и проникновение через них в тайну радости души. Образы выскакивают прямо из гиппокампа мечтами детства и юности.

Татьяна Ковальская

Как хорошо осуждать себя через свои стихи, мышиную возню, эти их (наши) мышинные хвостики. Они так мило шуршат по углам. Мы их не чувствовали, ах нет – Татьяна их видит.

Стихи поэта – зеркало для каждого, где видна и грязь, и чистота. Эти каменные страницы городов врастают в нас. Вырвать каменное сердце из груди и лететь ввысь к Эвересту мысли на звуке светлого и тёмного тембра Таниного голоса к высоким ласковым берегам!

*«И прощенья мне – на мизер.
Втоптан в грязь мой небесный крест.
Через свой полудетский кризис
Я взбираюсь на Эверест».*

А ещё они бывают голубые и холодные – эти звуки. Нет, поэзия Ковальской – это что-то невозможное! Это близость и боль. Это и инфернальность, и психоделика, это согласие и протест. Её нельзя читать всю сразу. Тем более, каждое стихотворение – это целая система психологических поисков. Каждую строку переживаешь как свою жизнь. Это единичный продукт. Борьба миндалины чувств и мамиллярных цепочек собранного в букет сознания. И я рад этому.

*«Дорогою – скатерть.
В дороге – поломка.
Мой Северный Ветер
Летит через Юг.*

*На стадии «хватит»,
На стадии «громко»,
На стадии «выстрел»
Сдаюсь. И. Пою».*

Острые ощущения, не приглаженные чувства и психология жизни.

Людмила Ковтун

Вот где найдёшь умиротворение душе. Это даже не слова – это гипноз. Людмила – художник рисует картины маслом. И в её стихах точно так же каждое слово, как мазок, ложится маслом на душу читателя. Ещё она педагог. Её эссе «Два мира» искренний поиск выбора радости жизни. Падать, но замирать от восторгов от безбрежной высоты небес, от облаков и радуги, от слепого дождя и кружева снежинок. И учиться добру. И видеть его в людях. Её заблудившийся в метели автобус, контрастируя с гумилёвским трамваем, совсем не вызывает чувства безысходности. Наоборот, мы видим спасительный Ковчег, наполненный духом взаимопомощи, азарта и надежды.

*«Снежный хаос вторжение празднует —
Вновь закрыт небосвод от зари...
Электрические бесстрастные
До полудня горят фонари.
И застрявший автобус этот,
Как спасающий всех Ковчег,
Озарил нас внезапно светом,
Что наладится Всё у Всех!»*

С ней можно порадоваться, а можно опечалиться. Почувствовать истину вместе с любимым или любимой, ища сои-

тия сердец, осторожно соприкасаясь хрустальными телами.

*« – Любимый, сегодня ты как-то особенно нежен
со мной*

И трогаешь так осторожно, как хрупкую вазу...

Ты знаешь, родной, я, наверно, сломаюсь не сразу.

Ты только держи меня. Только не плачь надо мной!»

Радостное созерцающее раздумье, дающее силу для воли,
и наслаждение разнообразием чувств. Триединство созидания.

«Чуть слышно вдалеке воркует речка,

Чуть тронул ветер стебелёк ромашки...

Я праздную свободу здесь беспечно,

Боясь спугнуть ползущую букашку»

Балакле́йский Серге́й

Поэт – открытие года. Рождённый в России и всю жизнь трудившийся в Казахстане, инженер, учёный, кандидат технических наук. И столько лирики и любви в его стихах. Никогда не издавался, копил этот клад, и вдруг раскрыл нам впервые свой талант, восторженность мальчишки и богатство и иронию зрелого ума. Его тончайшая техника стиха, логика и лаконичность поражают воображение.

*«Кто дорогу на мостике узком уступит?
И никто, кроме нас, не несет в том вины,
Что друзьями становятся часто гордость и глупость.
А не гордость и мудрость... Только мы, только мы».*

Каждое стихотворение – это цитата, нужная для жизни:

*«И поспешишь туда, за горизонт,
Упрямо и почти по-детски веря —
Там скрыто то, о чем мой каждый сон,
Там тайну охраняющие двери».*

Особенно поражают воображение его стихи к женщине:

*«Ты спросила: «Зачем же терплю
Суету обещаний пустых?»
Я ответил: «Затем, что я все же люблю,*

И затем, что ведь ты – это ты».

И всё-таки страсть в любви побеждает порой разум.

*«Взгляни в себя и честный дай ответ:
Страсть оставляем молодым коллегам
Или, отринув груз минувших лет,
В любовь, как в омут, прыгаем с разбегу?»*

Дорогой читатель! Все четверо авторов нашего литературного

альманаха будут рады, если затронули ваши чувства, взбудрили ваши мысли и вернули вам веру в любовь и человечность.

Анатолий Корниенко, поэт, член АЛСК и Ковчега

Алексей Олексюк

ТЕ [KST] ИЛЬ...

Нас было много на челне...

...И в благодетельном ковчеге

Спаслись и люди и скоты.

А. С. Пушкин

Песнь первая

У Алкиноя

*На каком островке несгибаемой временем суши
ты живёшь, Одиссей, одиночества схиму приняв.
Чёрствый воздух, сближая чужбиной сутулые
души,
отделяет тебя от живущих, к грядущим маня.*

*Ни семьи, ни палат, ни почившего в бозе Гомера,
только моря вокруг синевато-зелёная хлябь,
вдаль другие ведут наводстрённые ветром
триеры,
пьянство и пансион – вот почётный для имени
кляп.*

*Жизнь, как строчку, сложить не случилось
с излёта и вчерне, шум воды надоел – местных
анакреонов стихи,
и сыта чернь в тавернах рассказом твоих
приключений,
где за пафосом слов слышишь очередное хи-хи.*

*Владимир Растёгин
«Запрещённый Одиссей»*

Дождь хлынул сразу со всех сторон. Даже от земли, снизу.
От него не было укрытия. Запутавшийся в квадратах жилых

кварталов, остервенелый ветер рвал дождевые струи, как туго натянутые струны – дзын-н-нь – и швырял мелкие обрывки в лицо, в спину, под ноги, за шиворот...

Не выдержав напряжения, лопнула чёрная лакированная крышка рояля и с оглушительным грохотом рухнула на обезличенные крыши домов – в водяном мареве их черты расплывались и плавно сливались с фоном из дождевых туч. Ещё раз грохнуло над головой – да так, что Пан слегка пригнулся, словно под обстрелом. Шедший на три шага впереди Агамемнон, обернувшись, крикнул сквозь гром и ветер: «К Алкиною завернём! Переждём!»

Беспечный Пан, хитроумный Улисс, бесхитростный Ахилл и неизменный участник литературного процесса Менелай слепо следовали за вождём, отчётливо сознавая, что искать укрытие уже смысла нет... А попятая за ними – под уклон, к Тоболу – уже бежала мутная волна, покрывая разом мостовую и тротуар, слизывая мусор и грязь, которые кофейной пеной тут же вскипали на гребне той же волны. Туфли промокли мгновенно. Вода, конечно, была тёплой, но ознобец пробежал по спине Пана, заставив его ещё больше сжаться.

Наконец Агамемнон свернул в распахнутые настежь ворота. В Кустанае сохранилось немало краснокирпичных и серобревенчатых особняков дореволюционной постройки. Немало появилось и современных особняков из бэушного кирпича или железобетона, прикрытых алюкобондом.

Но дом, в коем обитал Алкиной, относился к промежуточному этапу в краткой истории кустанайского зодчества и являл собой яркий образец жилища барачного типа.

Из будки во дворе на пришельцев закашляла старая псина с гривой немейского льва и взглядом дожившего до пенсии Геракла.

Поднявшись на крыльцо (не высокое, в три ступеньки) Агамемнон постучал (не громко, три раза), потом толкнул дверь, которая отошла внутрь с болезненным древесным скрипом. Из сеней повеяло кислым духом не стиранных тряпок и одиночества. Но тут же его перебил другой запах – гораздо более сильный: терпкий, ершистый, бодрый... Сизый туман висел в комнате, куда прошли путешественники, прошли, предварительно сняв мокрую обувь и отряхнув волглые кудри (у кого оные имелись, ибо Ахилл предпочитал в парикмахерском искусстве минимализм). Ввалившись всей гурьбой в тесную комнатёнку, служившую одновременно и спальней (о чём свидетельствовала кровать в правом углу), и столовой (на что указывал обеденный стол в углу левом), и рабочим кабинетом (о чём легко было догадаться по наличию компьютера-принтера-сканера у окна и по стеллажам, занимавшим всю дальнюю стену – от пола до потолка), Пан, Ахилл, Улисс и Менелай, ведомые Агамемноном, застали хозяина сидящим на смятой постели в одних трусах (впрочем, нет – ещё в одном носке и с неизменной трубкой в зубах). Картина, достойная кисти Рубенса.

«Он так и спал – с курящейся трубкой во рту?» – подумал Пан, припомнив, что Алкиноя за глаза именовали Братом Никотином в противоположность (или в пару) Агамемнону, который был известен (в узких кругах) как Брат Этил.

Братья поздоровались.

«Ничего общего», – отметил про себя Пан. – «Алкиной брадат, добродушен, бурчлив, небрежен, пропах табаком. Агамемнон же – чисто выбрит, подтянут, велиречив, раздражителен, пропитан алкоголем».

Брат Никотин стащил с обеденного стола пепельницу, потряхнул пепел из трубки и тут же принялся набивать её заново.

– Присаживайтесь, – широким жестом он указал на расшатанную табуретку с принтером на ней и жёсткий стул у компьютера. В итоге разместились так: Менелай на стуле, Улисс и Ахилл вдвоём на табурете, Агамемнон на кровати рядом с Алкиноем, а Пан, по старой школярской привычке, – на подоконнике, сдвинув вбок полусохший алоэ и смахнув ладонью пыль (или пепел?). Всё в комнате казалось ветхим, чуть скособоченным и... симпатичным. Дождь шумел у Пана за спиной, тыкался мягким носом в заскорузлое стекло, дышал в открытую форточку влажным озонированным воздухом, который хоть немного разбавлял махровый, щекочущий ноздри запах табака-самосада.

Брат Никотин, дымя, попыхивая, покряхтывая, достал из груды тряпья махровое полотенце – дал гостям обтереть-

ся, потом прошёл к столу – поставил кипятиться электрический чайник.

Беседа текла сама собой, перетекала с темы на тему.

Брат Этил рассказывал, как они пошли провожать до остановки Навсикаю, долго ждали «восьмёрку», на обратном пути решили зайти к Эвмею, но попали под дождь и вынуждены были укрыться у Алкиной.

– Хорошо, что традиция обязательных попоек после каждого заседания отходит в прошлое, – заметил Брат Никотин, разливая кипяток по чумазым чашкам и забрасывая в каждую чашку по пакетику чая. Заварка клубилась на дне, как густая, тяжёлая краска. – Мы даже литобъединение имени Омира переименовали в литр-объединение имени Кагора...

– Молодёжь сейчас другая, им этот допинг не нужен, – заметил Брат Этил.

Молодёжь с шаткого табурета тут же пояснила, что «новое поколение выбирает сахаромицесы», а некоторые, особо продвинутые представители (их взгляды пали на Пана) и вообще перешли на галлюциногены высшего порядка, ибо ни разу не были замечены в состоянии опьянения. Сам Пан ничего пояснять не стал, он молча созерцал закопчённые стены, закопчённый, пыльный компьютер, грязную, прожжённую искрами постель. Чашка крепкого чая дымилась у него в руках, приятно обжигая ладони.

– И хорошо, что не замечен, – махнул рукой Алкиной, вновь усаживаясь на кровать. – Сколько талантливых ребят

эта привычка сгубила... Помнишь Демидока?

– Затобольского?

– Ну да. Гениальный был поэт и виртуозный каменщик. Мог безо всякого уровня или отвеса выложить стену любой конфигурации и любой кладкой – хоть ложковой, хоть тычковой, хоть крестовой перевязкой... И так же играючи мог сочинить стих на любую тему любым размером – хоть ямбом, хоть хореем, хоть гекзаметром... Врождённое чувство ритма. Сгорел в двадцать восемь лет. Ничего не осталось – ни строчки. Всё сжёг во дворе собственного дома. Он периодически устраивал своеобразный «костёр тщеславия».

Алкиной вздохнул и продолжил:

– А, может, так и нужно: сжигать время от времени всё написанное к чёртовой матери? Как думаете? Ведь слово-то было прошёптано. А как оно отзовётся – уже не наше дело. Игра случая. Что мы знаем сейчас об античной литературе? Только то, что дошло до наших дней через пожары, потопаы, войны, религиозные распри, описки переписчиков, костры инквизиции, революции, контрреволюции и тысячи других случайностей, которые невозможно предусмотреть. Мы не знаем потерянного на этом пути. И потому не сожалеем. А вдруг были десятки поэтов, равных Гомеру и Овидию, но менее везучих?

– Что было, то было, – махнул рукой Брат Этил, слегка расплескав чай. – Нужно о будущем думать. Среда нужна. Почва для общения. Тогда и молодёжь к нам потянется. Из-

давать нужно молодых. Знаешь, как они сейчас пишут? Какие у них образы! Мы в их возрасте так не писали. Над нами довели. А над ними – чистое небо, бесконечность. Мы слыхом не слыхивали тех имён, которые они в Интернете находят. Это ещё вопрос: кто у кого учиться должен...

Алкиной согласно кивал, потрясая седовласой львиной гривой:

– Ты прав. Как я могу учить кого-то? Если человек так видит, почему я должен его переубеждать? Если он видит эту лампу сиреневой, – Брат Никотин ткнул пальцем в горевшую желтоватым жиденьким светом лампу накаливания под самым потолком, – почему я должен навязывать ему своё видение? А тем более поучать: «Так не пиши, пиши вот так». Это его образ, рождённый его внутренним миром, его опытом, его настроением, особенностями его организма, в конце концов, – вдруг он дальтоник... Всё это очень индивидуально. Я могу оценивать и критиковать только то, насколько сумел или не сумел автор донести своё видение до меня – читателя. Даже если мне такое видение не близко, оно имеет право на существование. Правда художественного образа не в том, соответствует ли он объективной реальности. Пусть объективной реальностью занимается наука. У неё неплохо получается. Произведение правдиво, когда оно правдиво отражает внутренний мир автора.

Пан призадумался. Речь Алкиная казалась убедительной, но какой-то градус неточности в ней присутствовал. В горле

першило от дыма. Хотелось прокашляться. Или возразить.

Он подумал: «Всё это хорошо. Но как словом передать ощущения? Скажем – запахи, звуки, вкус, прикосновение? Или чувства – любовь, отчаяние, воодушевление? Искусство слова, всё-таки, это искусство мысли».

И тут же сам себе ответил: «Ой ли? Ты прекрасно знаешь способ и постоянно им пользуешься. Скажи „лимон“ – и во рту станет кисло. А если сказать так: „Тонко нарезанные дольки лимона с выступившими на них бисеринками холодного сока источали запах лёгкой грусти“? Ощущения станут гораздо ярче. Почему? Потому что я добавил красок! Я не просто назвал предмет, я его описал, добавил своё виденье, создал художественный образ».

– Получается, что нет единого критерия истины? В искусстве, во всяком случае, – когда Улисс говорил взволнованно (а сейчас он говорил взволнованно), движения его становились по-детски (почти по-младенчески) резки и спонтанны, в них пропадала логика, но зато проступало чувство неловкости, подкупающее простодушие юного «Вертера», с лёгкостью мешающего Фому Аквинского с Нильсом Бором в коктейль похлеще вермута с пивом.

– «Ты сказал», – возразил брадатый философ, меланхолически попыхивая трубкой.

– Это вытекает из вашего утверждения, что у каждого своё «виденье» и каждый волен «видеть» так, как ему заблагорассудится. Художник может сказать: «Я так вижу!» И его

не опровергнешь... Получается, что нельзя утверждать однозначно, что такая-то книга (картина, песня) плохая или хорошая. Всё это не более, чем наши субъективные суждения. Что одному хорошо, то другому – Казимир Малевич...

Брат Никотин закашлялся булькающим бутылочным смехом. Прокашлявшись, пояснил:

– Да, каждый волен видеть по-своему. Но каждый может увидеть глазами другого. Все мы люди, все представители одного биологического вида. Органы восприятия у всех схожи. Да и мышление работает по одним логическим схемам. Мы гораздо ближе друг к другу, чем кажется... В конце концов у нас есть воображение, позволяющее выйти за границы личного опыта, представить то, чего мы сами не видели, не ощущали, не переживали... Мастерство художника состоит в том, чтобы передать другому человеку свои мысли и чувства, своё уникальное видение так, чтобы этот другой, совершенно не знакомый человек пережил приблизительно то же самое. Чтобы это стало частью его личного опыта.

Комната плыла в слоистых облаках никотина, слегка покачиваясь, как гондола аэростата. Пан опять раздвоился, одна его половина вопрошала другую: «Хорошо, пусть другие чувствуют то же что я. Но чувствуют ли они так же, как я? Ведь у меня у самого бывают периоды более острого восприятия и периоды какого-то „отупения“...»

– Тут упомянули Малевича, – Ахилл, как всегда был сдержан и полон внутреннего благородства. – Объясните мне,

грешному: какой образ заключается в его «Чёрном квадрате»? Я, лично, вижу только геометрическую фигуру. Любой дурак может нарисовать такую же...

– Ну, при желании любой дурак может и «Джоконду» скопировать. Есть сотни, если не тысячи, великолепных копий-истов. Вся беда в том, что их «творения»...

– Всего лишь копии, – сострил Агамемнон.

– Именно! – неожиданно поддержал его мысль брат Никотин. – Именно так. Они не самостоятельны, механически повторяют чужие образы. Да, мы знаем некоторые произведения только по копиям, потому что оригиналы не сохранились. Например, римские копии греческих статуй. Но мы ценим их лишь в той мере, в какой ощущаем дыхание первоисточника. И подписываем в музее именами подлинных авторов, а не копиистов.

– Но как быть, всё-таки, с «Чёрным квадратом»? В чём его оригинальность?

– Дело в том, что существуют произведения искусства и явления культуры. «Чёрный квадрат» Малевича, на мой взгляд, относится ко второй категории.

Улисс возразил:

– А мне кажется, что это предел абстрактной живописи. В этом секрет его популярности.

– Завязывайте с философией, – предложил Агамемнон. – Лучше почитайте что-нибудь новенькое, пока есть время.

– Помните, вы рассказывали свой сон? – возник голос

Улисса, обращённый к Алкиною. — Про взгляд.

— Да, это было в шестьдесят восьмом году в Свердловске, — подтвердил Алкиной. — Когда я учился на первом курсе Горного института.

— Мы с Паном из вашего сна сделали фантастический рассказ, — Улисс повернулся к окну, к тому, кто восседал на подоконнике рядом с полузасохшим алоэ. — У тебя с собой?

До Пана не сразу дошло, чего от него хочет товарищ. Но сообразив, он порывлся в мокрой сумке и извлёк из неё пластиковый файл с листами, испещрёнными мелким, как мелькание дождевых капель, почерком. Вода слегка подмочила края бумаги, отдельные слова расплылись, но Пан хорошо помнил текст. Он стал читать: сначала скованно, сухо, но постепенно увлекаясь и «изображая» персонажей с помощью интонации, жестов, мимики. Разбухшие бумажные волокна пахли волглостью древесиной. Этот запах странным образом волновал чтеца, заставляя пристальнее вчувствоваться в каждую деталь, которая от повышенного внимания тоже разбухала и источала сыроватую дрожь.

Взгляд

Эпизод 1. Ограбление (взгляд в прошлое)

Интерьер небольшого магазинчика в провинциальном городе. За прилавком – немолодая уже дама в ожидании посетителей сидит в сотовом телефоне. Дверь резко распахивается и в магазин влетает молодой парень в спортивных штанах, куртке с капюшоном и с лицом, закрытым самодельной балаклавой. В руках у него нож.

Парень: Это ограбление! (подбегая к продавщице) Открой кассу!

Продавщица (невозмутимо подняв взгляд от сотового): Чего шумишь? На дозу не хватает что ли? Так иди в банк, попроси у них кредит. А я в долг не даю.

Парень (нервно и размахивая ножиком перед лицом продавщицы): Деньги давай! А то порежу!

Продавщица (небрежно отмахиваясь и выбивая нож из дрожащей руки грабителя): Убери свои ложноножки! Ты покупать будешь? Нет? Тогда иди играй в ножечки в другом месте.

Парень бросается на пол в поисках упавшего ножа и на-

чинает нервно шарить под прилавком.

Продавщица: Вот это правильно: тыщу лет там пыль не протирали. Можешь ещё под холодильником протереть.

Парень, наконец, находит закатившийся нож, вскакивает на ноги и начинает слегка подпрыгивать от возбуждения.

Парень: А вот сейчас я всерьёз разозлился! Сейчас будет много крови!

Продавщица (выходя из-за прилавка): Нет, это я разозлилась! И сейчас будет кому-то больно!

Продавщица хватая парня за руку и выворачивает её так, что тот роняет нож.

Парень (извиваясь от боли): Ай-ай-ай! Больно! Мамочка!

Продавщица внезапно поворачивает грабителя лицом, закрытым балаклавой, к себе и внимательно смотрит в глаза.

Продавщица: Колька, ты что ли?

Парень: Нет, это не я.

Продавщица: Ты что ж это, паршивец, удумал? Родную мать грабить?

Парень, воспользовавшись замешательством продавщицы, вырывается и пытается убежать. Но та опережает его, преграждая путь к двери.

Продавщица: А ну стой! Я тебя сейчас выпорю как сидорову козу!

В это время раздаётся вой полицейских сирен.

Продавщица: Батюшки, совсем забыла, что полицию-то

вызвала.

Парень (побледнев даже через балаклаву): Мамочка, родная, не погуби!

Продавщица (всматриваясь за дверь): Подъезжают уже. Повяжут тебя, дурака.

Парень (падая на колени, умоляюще смотрит в глаза матери): Нет, только не это! Я не хочу в тюрьму!

Продавщица (спокойно): Не ори. Полезай вон туда – под прилавок. И умри там. Чтобы не звуку. Авось не заметят.

Парень с трудом втискивается под прилавок и лежит там, затаив дыхание. Продавщица возвращается на своё место. В магазин врывается отряд полиции с автоматами и в балаклавах.

Продавщица: Доброе утро, ребята!

Омоновец: Где грабители?

Продавщица (пряча взгляд): А-а-а, грабители! Были, а как же. Но уже убёгли.

Омоновец: Куда?

Продавщица: Да кто ж их знает! Вроде налево побёгли. Я не углядела точно.

Омоновец: Сколько их было? Как одеты? Чем вооружены?

Продавщица: Двое. Третий у дверей стоял. Молодые. В спортивных куртках. В масках, как у вас. В руках у одного нож.

Омоновец: Ясно. Дадим ориентировку патрулям. Далеко не убегут. Что украли-то?

Продавщица: Да не успели ничего взять. Наркоманы, небось. Сами себя боятся. Тот, что в дверях стоял, запаниковал и они убёгли.

Омоновец: Понятно. (К другим полицейским) Ребята, вызывайте следаков.

Омоновцы выходят. Остаётся только один, который и расспрашивал продавщицу. Он подходит к прилавку.

Омоновец: Можно мне пачку сигарет. Вот эти. Кончились, а курить охота.

Продавщица (всматриваясь в глаза омоновца): Артём, ты что ли?

Омоновец (удивлённо): Тётъ Клава?

Продавщица (улыбаясь): Ты же с моим Колькой в одном классе учился?

Омоновец: Да, было дело. Ох и дрались мы в школе! Можно сказать, что первые уроки рукопашного боя я получил от него!

Омоновец взмахнув рукой, роняет на пол купленную пачку сигарет. Наклоняется, чтобы поднять и видит спрятавшегося под прилавком Кольку. Оба в балаклавах, но, взглянув в глаза, узнают друг друга.

Продавщица: Он у меня всегда хулиганистый был.

Омоновец (пристально смотря в глаза бывшего одноклассника): Тётъ Клав, а мне почему-то вспомнилось, как Колька в девятом классе сказал директору, что я курил в школьном туалете. Ох и влетело мне тогда!

У Кольки округляются от страха глаза.

Продавщица: Так он не со зла. Это мальчишки его подговорили.

Омоновец (медленно выпрямляясь): Да я так, к слову. Кто старое помянет, тому глаз вон!

Продавщица: Он добрый, просто под дурное влияние легко попадает.

Омоновец (смотря в глаза продавщице и улыбаясь): Да, верно. Матешу мне давал списывать. (Выходя, в дверях) Ладно, пойду я, тётъ Клава. Передавайте привет Кольке!

Эпизод 2. Проверка (взгляд в будущее)

Бар где-то недалеко от моря, потому что иногда, когда смолкает музыка, слышен шум прибоя. Да и посетители одеты как типичные отдыхающие. За стойкой – бармен, молодой парень лет двадцати-двадцати пяти в рубашке с коротким рукавом и галстуке-бабочке. Открывается дверь и входит мужчина лет тридцати, его слегка флегматичный взгляд скользит по столикам, потом останавливается на бармене.

Бармен: Добрый вечер! Могу вам чем-то помочь?

Мужчина: Уже вечер? (Оборачивается к стеклянным дверям и всматривается) Да, действительно темнеет. Диск звезды почти касается кромки горизонта.

Бармен: Это вы про солнце?

Мужчина: Да. Я всё время забываю местное название.

Бармен: Простите, вы разве иностранец?

Мужчина: Во всяком случае, не местный. (Идёт мимо столиков к бару и присаживается на табурет)

Бармен: Что будете пить?

Мужчина (задумчиво рассматривая бутылки за спиной у бармена): А что вы посоветуете?

Бармен: Могу приготовить вам «Айриш кофе».

Мужчина: Это вкусно?

Бармен (слегка растерянно): Это очень популярный коктейль. Кофе, виски и сливки. Слойми.

Мужчина: А с кроктутом ничего нет?

Бармен: Простите? Как вы сказали?

Мужчина: Ладно, давайте ваш кофе... или как там?

Бармен быстро делает коктейль, искоса поглядывая на мужчину, который сидит задумчиво за стойкой, блуждая взглядом по залу, словно ища знакомые лица.

Бармен (ставя стакан перед мужчиной): Ваш «Айриш кофе».

Мужчина переводит взгляд на стакан, долго всматривается в слои желтоватого виски, коричневого кофе и белых сливок.

Бармен: Что-то не так?

Мужчина: Очень похоже на закат.

Бармен (удивлённо): Закат алый. Как «Кровавая Мэри». Я никогда не видел коричневого заката.

Мужчина: Да, здесь не бывает... (пьёт коктейль) Это очень красиво: красновато-жёлтая звезда, заходящая в коричневом сиянии и белые облака.

Бармен: Это что-то вроде «зелёного луча»? Какой-то эффект в атмосфере?

Мужчина (продолжая пить): Да, эффект... Какой-то странный эффект у вашего напитка. Я чувствую лёгкое головокружение и тепло, которое разливается по телу. Так должно быть?

Бармен (всё более удивляясь): Это называется «опьянение». Так действует алкоголь.

Мужчина: Интересное ощущение.

Бармен (радуясь своей догадливости): Вы, наверное, из какой-то арабской страны, где не употребляют алкоголь?

Мужчина (заметно опьянев): Нет. Моей пла... страны больше не существует. Остались только воспоминания... И сны... Мне часто снятся коричневые закаты...

Бармен: Сочувствую. Но что случилось? Почему её нет? Война? Этнический конфликт?

Мужчина: Можно сказать и так. Нас атаковали «утилизаторы».

Бармен: Первый раз слышу. Экстремисты?

Мужчина: Ваше счастье, что не сталкивались с ними. У этих вечных кочевников самый мощный космический флот в Галактике. А «утилизаторами» их называют потому, что они взрывают планеты и затем перерабатывают обломки ради полезных ископаемых.

Бармен (слегка насмешливо – ну, перебрал клиент, и у него «снесло крышу»): Вы хотите сказать, что прилетели с другой планеты, которую захватили какие-то «утилизаторы»?

Мужчина (абсолютно серьёзно): Не захватили, а уничтожили. Уцелело лишь несколько космических кораблей с беженцами. Здесь, на вашей планете... я опять забыл название...

Бармен: На Земле.

Мужчина: На Земле мы временно. Пока корабли не найдут подходящую для заселения планету без разумных обитателей.

Бармен: Значит, вы не единственный инопланетянин на Земле? Вас много?

Мужчина: Нас несколько тысяч. Люди не знают об этом, потому что мы биологически очень похожи.

Бармен: А как же вы сами в таком случае узнаете друг друга?

Мужчина: Очень просто. По взгляду. (Он подымает свой пьяный взгляд на бармена, внимательно смотрит ему в глаза и слегка бледнеет) Чёрт... Это была проверка?

Бармен (спокойно): Да. И ты её только что провалил.

Мужчина (залпом допив остатки коктейля): И что теперь со мной будет?

Бармен: Ты прекрасно знаешь Кодекс. Беженцы не имеют права разглашать свой статус местным обитателям. За нарушение – ссылка на Плутон.

Мужчина: На эту глыбу льда? Нет! Я не хочу! Там даже не искупаешься.

Бармен: Ты нарушил Кодекс.

Мужчина (его взгляд становится умоляющим): Ну, сболтнул лишнего... С кем не бывает... Всё равно никто никогда не поверит в пьяный бред про инопланетян.

Бармен: Я обязан доложить.

Мужчина: Брось! Кому это нужно? Лучше возьмём по стаканчику твоего «кофе» и поедem рыбачить. У меня здесь, на причале, пришвартована яхта.

Бармен: Толкаешь меня на должностное преступление?

Мужчина: Если следовать Кодексу, то все давно уже были бы на Плутоне.

Бармен: Наживка есть?

Мужчина: И наживка, и закуска!

Бармен: Хорошо, давай порыбачим... Полюбуеться местным закатом.

Мужчина (воодушевлённо): Алым, как «Кровавая Мэри».

Бармен: И помянем коричневые закаты нашей родной планеты.

Они вновь встречаются взглядами и заговорищкu улыбаются.

Эпизод 3. Четвёртое измерение (взгляд в другого)

Грязная, запущенная квартира. Из мебели – один стол и табурет. На стенах почерневшие от сырости обои, свисающие полосами. На крашеном деревянном полу целая батарея пустых бутылок. Слышен щелчок дверного замка, скрип и затем в квартиру вваливается раскрасневшийся от выпитого и от мороза пьяница.

Пьяница (скидывая куртку и шапку в прихожей, напевает): «Новый год к нам мчится, скоро всё случится...»

Он достаёт из кармана куртки бутылку водки и банку консервов «Килька в томатном соусе». Присаживается за стол. Трясущимися руками открывает сначала консервы, потом наливает полный стакан водки. Минуту задумчиво смотрит перед собой.

Пьяница: Ну, с Новым годом!

Внезапно в ответ раздаётся чей-то Голос.

Голос: Спасибо! Хотя Новый год – это чистейшая условность.

Пьяница вздрагивает и разливает часть водки.

Пьяница: Чур меня! (С испугом оглядывается по сторонам) Кто здесь?

Голос: Прошу прощения, что напугал. Совсем забыл о своей невидимости... Просто вы смотрели в мою сторону

и как будто обращались ко мне... Простите.

Пьяница (осторожно ставит стакан на стол): Так вот ты какая – «белая горячка».

Голос: Нет, нет! Я не болезнь. Я – наблюдатель. Наш мир существует параллельно вашему. Только у нас четыре измерения, а не три.

Пьяница: Как это? Что за бред!

Голос: Всё очень просто: в нашей общей Вселенной пространство содержит множество потенциальных измерений, которые находятся изначально в свёрнутом состоянии, но под воздействием...

Пьяница: Стоп! Стоп! Стоп! Харэ меня грузить этой туфтой! Мне не нравится, что за мной наблюдают...

Голос: Это в научных целях.

Пьяница (грозит пальцем): Пусть даже в научных целях... Я не подопытный кролик!

Голос: Нет, вы не...

Пьяница (требовательно стукнув кулаком по столешнице): А ну, покажись, нечистая сила! Или вали из моей квартиры!

Голос: Хорошо. Я могу пройти через ваше измерение, но вы увидите не совсем то, что есть на самом деле: только часть, доступную вашему восприятию.

Пьяница: Харэ базарить! Кажись или катись отседа!

В сумрачном пространстве комнаты возникает какая-то точка, она увеличивается, появляется ещё несколько

ко точек, тоже увеличивающихся и сливающихся в странную фигуру, абсолютно не похожую на человеческую.

Голос: Вот так я выгляжу в разрезе трёх измерений.

Пьяница: Сойдёт. (Берёт второй стакан, наливает водки и протягивает фигуру) Давай выпьем.

Голос: Я не могу.

Пьяница: Чё, язвенник?

Голос: Нет. Я не могу употреблять трёхмерную жидкость, как вы не можете есть нарисованный торт.

Пьяница: Ну, как хочешь. Мне больше достанется.

Пьёт водку и закусывает килькой.

Голос: Зачем вы это делаете?

Пьяница: Что? (Он застывает с килькой в руке. Его слегка опьяневший взгляд выражает удивление).

Голос: Зачем вы отравляете себя?

Пьяница (долго соображает, потом его озаряет догадка): Ты о водке что ли? А у вас такого нет?

Голос: Такого нет.

Пьяница: Бедолаги... Как же вы удовольствие получаете?

Голос: Нас опьяняют взгляды.

Пьяница: Как это?

Голос: Мы смотрим в глаза друг другу и видим внутреннюю суть... Это наполняет нас счастьем.

Пьяница: Что-то я такое читал... в романах... А ну, продемонстрируй!

Голос: Это не так просто. Мне придётся переместиться

в ваш мир, а сделать это можно только вселив моё сознание в трёхмерное существо.

Пьяница (слегка ошарашенно): Вселить? В существо? (Он оглядывается и видит кошку). Кис-кис-кис! (Приманивает её килькой).

Кошка подходит, ест кильку. Пьяница гладит её.

Пьяница (фигуре): Подойдёт?

Голос: Гм... Вообще-то я думал... Хотя, почему бы и нет.

Фигура начинает мерцать и так же синхронно начинает мерцать кошка. Потом фигура гаснет, исчезает.

Пьяница (с опаской дотрагиваясь до кошки): Эй, ты здесь?

Кошка поворачивается к пьянице и внимательно смотрит ему в глаза. Тот застывает с полукоткрытым ртом, потом светлеет лицом, трезвеет, даже молодеет и улыбается доброй счастливой улыбкой.

Эпизод 4. Любовь с первого взгляда (взгляд в вечность)

На экране возникает надпись: «Привет! Не спишь?» Камера отодвигается и мы видим, что это сообщение на экране смартфона. Смартфон лежит на столе. Рядом кровать. На ней спит молодой парень. Внезапно он пробуждается. Видит светящийся в полутьме экран смартфона, откидывает одеяло, соскакивает с кровати, запинаясь обо что-то и с грохотом падает.

Парень: Чёрт! Как больно! (с трудом подымается, берёт смартфон и пытается прочесть сообщение). Где мои линзы? Ни черта не видно... (нашаривает баночки с линзами, надевает их, читает сообщение и набирает ответ). «Не спишь?» Ага, попробуй тут поспать, когда через каждые пять минут сообщения строчат!

Сообщения (высвечиваются внизу экрана):

«Нет, не сплю».

«Ты не забыл, что мы решили сходить в Эрмитаж сегодня?»

«Помню. Только я не понимаю: зачем?».

«Что бы посмотреть „Мадонну Литта“ и „Мадонну Бенуа“».

«Ты всегда всё усложняешь. К докладу можно подготовиться с помощью Интернета. Большинство так делает».

«Не хочешь – не ходи! Никто не заставляет».

Парень (вздыхая): Опять эти женские заморочки...

Начинает одеваться и, одновременно, пишет в смартфоне.

Сообщения:

«Я уже собираюсь. Встречаемся у „Мадонны Литта“».

«Ты душка! Я всегда в тебя верила!»

Теперь мы видим девушку, которая весело выбегает из квартиры, спускается по лестнице, минует двор и выходит на улицу. Раннее утро. Прохожих ещё нет. Только у двери магазинчика пожилая продавщица возится с замком.

Девушка: Здравствуйте, тётъ Клава!

Продавщица: Здравствуй, егоза!

Девушка: Давайте я вам помогу.

Преодолев вялое сопротивление продавщицы, девушка открывает заевший замок.

Продавщица (радостно): От спасибо! А ты куды в такую рань? На свидание что ли?

Девушка (небрежно): Нет, в музей.

Продавщица: Куды? От молодёжь пошла странная!

Девушка тем временем уже удаляется за угол дома. Она пишет на ходу в смартфоне.

Сообщения:

«Как ты думаешь: существует любовь с первого взгляда?»

«Ты влюбилась?»

Девушка резко останавливается.

Сообщение:

«Дурак».

Мы видим парня идущего по улице. Из припаркованного автомобиля мужчина (в котором легко узнать посетителя бара) пытается выгрузить рыболовные снасти и вёдра с уловом. Ему несподручно одному.

Парень: Помочь?

Мужчина: Ну, помоги, а то с вашей гравитацией не сладишь.

Парень помогает разгрузить машину.

Мужчина (захлопнув крышку багажника): Спасибо! А ты куда в такую рань? Не на рыбалку случаем?

Парень (небрежно): Нет, в музей.

Мужчина: Куда? Всё-таки вы, земляне, странные...

Но парень уже удаляется ко входу в метро.

Девушка спускается по эскалатору в метро. И пишет в смартфоне.

Сообщения:

«Обиделся?»

«Нет».

«Извини, если обидела тебя».

«Всё в порядке».

«Я такая не сдержанная. Это ужасно!»

«Ничего страшного».

«Мне кажется, ты никогда не сможешь меня простить».

«Забудь об этом. Ты спрашивала про любовь с первого

взгляда. Я думаю, что это миф».

«Ты специально так пишешь, чтобы меня обидеть?»

«Нет. Я написал своё мнение. Можешь написать своё».

Парень подходит к очереди в Эрмитаж. Последним стоит странный субъект с кошкой на плече.

Парень: Я буду за вами.

Субъект: Тоже решили взглянуть в души ушедших людей?

Парень: Простите?

Субъект: Но разве произведения искусства – это не часть души их авторов?

Парень: Да, пожалуй...

Субъект: Раньше я смотрел только на дно стакана. И что я там видел? Забвение. Себя и других. А теперь, благодаря моему четырёхмерному и четырёхлапому другу (он гладит кошку), я смотрю вокруг, вижу себя и других.

Парень рассеяно кивает и вновь смотрит в смартфон.

Сообщения:

«Почему ты не веришь в любовь с первого взгляда?»

«Что видит человек при первом взгляде на другого человека? Только внешность. Внешность может вызвать симпатию. Но не более того. Любовь же возникает в процессе общения, когда мы узнаём внутренний мир другого человека».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.